

ЦВЕТOK МАРИИ

Я беременна воздухом, словно любила Бога.
И течет кислород в сердцевину мою с небес.
Я себя ощущаю приютом, святым острогом
Чистоты, что пока не коснулся земной прогресс.

Пропускает материя сонмы частиц нейтрино —
Неразгаданных писем вселенной густой поток.
Бог хотел подарить снова людям родного сына,
Говорил, что планете так нужен опять пророк.

Прикрывает глаза эмбрион пресвятой Марии
Сквозь порог оглушительных вспышек неясных мук.
Ослепляют прожекторы доктора в хирургии
И чертёт монитор, как взбесившийся, тонкий круг.

Электрический ток, острый скальпель и крепость спирта —
Утешение горестей и забытье грехов.
В нашем веке гуманном венцы мастерят из мирта
И терновые — больше не ранят святых голов.

На Голгофе давно нет крестов: объективы праздных
И паломников веры, которым она — как соль.
С миротворческой миссией гибнут богообразно
И в числе ветеранов проходят в раю контроль.

В барокамере спит недоношенная малютка.
Я — не в силах стерпеть, чтобы только скорей возмочь,
Уплотнив кислород, разгоняя его по трубкам,
Белой лилией встретить рожденную Анной дочь.

ПРОСТИ МНЕ, ГОСПОДИ...

Прости мне, Господи, мои обиды
И прегрешенья юности моей.

За то, что не на тех имела виды,
Не берегла отпущенных мне дней.

Прости мои печали и тревоги.
За то, что шла не к тем и не туда.
И то, что выбирала я дороги
Кривые по ошибке иногда.

О, Господи, яви Свою мне милость —
Прости за то, что вряд ли изменюсь.
За то, что крайне редко я постилась
И что молитв не знаю наизусть.

Прости меня всем сердцем благосклонно
За то, что я прощения ищу,
Когда почти не верила иконам,
Священникам... и сына не крещу.

Я НЕСМЫШЛЕННОЕ ДИТЯ У БОГА...

Я несмышленное дитя у Бога.
Я трудный ученик его словес.
Но, знаю, освящается дорога
Заботливым посланником небес.

Отводит в сотый раз меня от края
Мой ласковый заплечный филантроп.
Ступает следом, в бедах не бросая,
Не избегая узких топких троп.

Незримый спутник, верный и усердный,
Не зная дней воскресных, выходных,
Уводит реки, укрепляет тверди,
От волосков хранит меня седых.

Большая удивительная птица —
Спокойна и таинственно мудра.
Не уставая о душе молиться,
Впускает свет надежды и добра.

Сон разума рождает, как у Гойи,
Чудовищ, но, давая окорот,
Мое существование земное
Спасает белых крыльев разворот.

ПУСТЬ ТОТ, КТО УШЕЛ — УПОКОИТСЯ С МИРОМ...

Пусть тот, кто ушел — упокоится с миром.
Душа устремилась в расщелины сна,
Где ангел встречает ее легкокрылый
В одеждах из светлого мягкого льна.

Молитвы прольются, и свечи заплачут,
В последней дороге коснувшись небес.

Корабль обретет свою новую мачту,
Бемоль зазвучит как высокий дизель.

Пусть тот, кто уходит, и кто остается —
Покой повстречают на трудном пути.
Подарит надежду луч яркого солнца,
И свет воскрешения боль утолит.

Отчаянье горькое тает незримо,
Где вечность раскрыла объятья для всех.
Душа на Земле беззащитно ранима,
Но сильною станет, поднявшись наверх.

Пусть память, как Библия — мудрая книга,
Хранит на страницах, что должно хранить.
И сердце, отчаявшись, греется мигом,
В котором завещано жить и любить.

И ДНЕСЬ Я СПЛЮ

Сплетают руки вечность и конечность.
И берега вздыхают о воде.
И днесь я сплю: глубоко, бессердечно.
А рядом Он — похожий на людей.

Темно, как в склепе, ничего не вижу.
Ни молока, ни хлеба не прошу.
В шкафах желтеют кружевные брызжи.
Тускнеет непроложенный маршрут.

Вздыхает неродившийся ребенок,
Сиротство осознавший до поры.
Мироточит газета, как икона,
Где некролог, зачитанный навзрыд.

Парит орел над полем бледно-серым,
И крылья бьют высокие ветра.
А рядом Он — незримый — шепчет: веруй...
И отворяет присные врата.

Я БЫЛ РАСПЯТ

Я был распят. Сегодня я воскрес.
Но боль моя уменьшилась едва ли.
Вы, равно как и я, несли свой крест.
И, как и я, до срока умирали.

Растлили землю войны и содом,
И ненависть в сердцах к чужим и близким.
Чем брат был одержим, куда ведом,
Раз судьбы взмыли в небоobeliskом?

Кто всходы вечной жизни истреблял
И идеалы возводил до веры? —
Молчит, похолодев, мемориал
Героям чьих-то воли и химеры.

Секреты павших — доблестно хранят
Бескрайние поля, резные горы.
Я ныне пахарь. Вот моя стерня
И светлый плуг мой — на работу скорый.

Не для того сегодня я воскрес,
Чтоб снова на Голгофе быть распятым.
Но, как и прежде, я иду вразрез
Со всем, что губит дух и тело брата.

В ЧАС СИРОСТИ

В час сирости, похожей на недуг,
Ступай к реке, всмотришь в ее течение.
И растворится целый мир вокруг,
Даря больной душе отдохновенье.

Сложи тревог не греющий доспех,
Откинь обид пылающие латы,
Отдай воде свой первородный грех
И слез окаменевшие караты.

Отринь себя былого и прими,
Не отделяя от всего живого.
И в единенье с Богом и людьми,
Не прерываясь, начинайся снова.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Когда б на свете не было чудес,
Мы б жили скучно и неинтересно.
И не встречали б принцев и принцесс
В местах давно исхоженных, известных.
Когда б на свете не было любви,
Ее мы никогда бы не искали.
И не будили б песней соловьи
В сердцах томящей сладостной печали.

Когда б на свете не было чудес,
Так никогда б на Пасху не звучало:
«Христос Воскрес!» — «Воистину Воскрес!»
И Жизнь не получила бы начала.

